

Цзи Шэньюй перевел дыхание. После вчерашних разносов и сегодняшнего утреннего рыка это был первый раз, когда собеседник заговорил с ним спокойно. Он прекрасно понимал, что скрывается за словами Дин Ханьбай — тому просто хотелось поглазеть на книги.

Но давать их за просто так не хотелось. Цзи Шэньюй протянул стопку и спросил:

— Книг слишком много, можно я часть оставляю в кабинете?

Дин Ханьбай в душе ликовал, но сохранил невозмутимое выражение лица:

— Ну, оставляй, если хочешь.

— Спасибо, старший брат. — Цзи Шэньюй поспешно отобрал несколько книг, которые почти высохли и не успели сильно отсыреть, и бросился в кабинет, боясь, что Дин Ханьбай передумает. К тому же ему было безумно любопытно взглянуть, как выглядит кабинет внутри.

Комната оказалась просторнее спальни. Высокие шкафы, низкие тумбы, стопки рисовой бумаги высотой по пояс, ковер такой мягкий, что ноги проваливались, а в воздухе висел густой аромат чернил. Цзи Шэньюй положил книги и с любопытством покосился на картину, лежавшую на столе. Но прежде чем он успел ее рассмотреть, взгляд приковала золотая закладка, сверкнувшая в углу стола.

Тончайшая золотая пластина — местами толщиной с бумагу, местами не толще крыла цикады — изображала изящное облако. В реальности она выглядела куда искуснее, чем он себе представлял.

Цзи Шэньюй не стал тратить время на любование. Затаив дыхание, он помчался во двор и, подбежав к Дин Ханьбаю, выхватил у того книги. Дин Ханьбай, только начавший просматривать оглавление, недовольно буркнул:

— Ты чего бесишься?

Цзи Шэньюй вспыхнул:

— Золотая закладка лежит на столе в кабинете, иди и посмотри сам!

Дин Ханьбай включил дурачка:

— Значит, я ошибся, в книгах ее не было.

— Верни мне нефритовые серьги! — в отчаянии Цзи Шэньюй ухватил его за одежду, намереваясь потащить в спальню. — Это подарок моего учителя! Я не терял закладку, не смей присваивать мои вещи!

Дин Ханьбай резко отстранился:

— Присваивать? Да кому они нужны?!

Он вошел в дом и вытащил серьги. На самом деле он и не собирался их оставлять — просто залюбовался филигранной работой и хотел пару дней поизучать технику исполнения.

— На, забирай! — он сунул их в руку Цзи Шэньюя так грубо, что крючок, кажется, уколол парню ладонь. Но Цзи Шэньюю было не до того, он все еще думал о книгах.

Цзи Шэньюй ничуть не испугался Дин Ханьбая, быстро ушел и прихватил с собой ту самую книгу «Как горы, как море».

Двери двух спален захлопнулись одновременно. Всего одна стена между ними, а казалось — целая пропасть. Цзи Шэньюй положил книги на подоконник досыхать. В животе заурчало, и он заметил на столе коробку с таосу. Эту коробку ему дала Цзян Цайвэй, и он решил, что в этом доме она относится к нему лучше всех.

Он не стал съедать много, тщательно пережевывая, проглотил один кусочек, но голод не утих. Тогда он достал мешочек с южно-красным агатом, чтобы отвлечься. Выбрав подходящий кусок, он начал наносить рисунок. Рука не дрожала, пальцы были тверды, линии ложились безупречно. Закончив с эскизом, он принялся за резьбу.

Увлеченный работой, он опомнился только к вечеру. Отложив нож, он размял онемевшие подушечки пальцев. Отполировать изделие он не мог — для этого нужно разрешение Дин Ханьбая на пользование станком в мастерской. А чтобы просить об услуге, нужно было снова заводить разговор о книгах. Между ними словно застешка: одно звено тянет за собой другое. Никакой братской теплоты, никакой симпатии коллег, только... неприязнь.

Когда Цзи Шэньюй вышел во двор собирать книги, вернулась с работы Цзян Цайвэй, а следом за ней — Цзян Тинэнь, только что пришедший из школы. Они помогли ему, и через несколько минут все было готово.

— Спасибо, тетушка, — поблагодарил Цзи Шэньюй и, увидев, как Цзян Тинэнь рассматривает книгу «Как горы, как море», добавил: — Если хочешь, можешь забрать ее себе.

Цзян Тинэнь обрадовался:

— Младший брат, сколько тебе лет?

— Семнадцать по китайскому счету, день рождения весной.

— Значит, ты младше меня на полгода. — Цзян Тинэнь подхватил сумку. — Ты больше не учишься?

В Янчжоу Цзи Шэньюй уже учился во втором классе старшей школы, после каникул должен

был перейти в третий, но не дождался окончания семестра — бросил учебу и уехал сюда. Для Дин Яньшоу он был лишь приложением к наследству, поэтому Цзи Шэньюй не смел просить о чем-то еще, например, об учебе. На самом деле, еще по дороге сюда он был готов помогать в лавке Юй Сяоцзи и в любой момент подчиняться воле Дин Яньшоу.

Когда книги были убраны, Цзян Цайвэй зашла в комнату проверить, не нужно ли чего. Цзи Шэньюй взял со стола фигурку из агата и сказал:

— Тетушка, спасибо, что заботишься обо мне все эти дни. Это тебе.

— Дай посмотреть! — Цзян Тинэнь выхватил фигурку. — Тетушка, это же ты!

Красно-белый камень: изящная девушка, вся в красном, и лишь плиссированная юбка — чисто белая. Цзян Цайвэй впервые получила такой подарок, она не могла оторвать глаз:

— Как красиво! Юбка словно на ветру развевается, мне очень нравится.

Цзи Шэньюй с сожалением вздохнул:

— Жаль, отполировать не успел.

Цзян Тинэнь отозвался:

— Это дело поправимое. Я попрошу старшего брата открыть мастерскую, вечером отполируем.

— Он посмотрел на Цзи Шэньюя, и его серьезный вид даже внушал уважение. — Младший брат, в тот раз ты вырезал бамбук, ветки и листья смотрелись хаотично, как же у тебя получилось сделать такую летящую юбку?

Цзи Шэньюй отмахнулся:

— В этот раз просто повезло, боялся, что тетушке не понравится.

Подоспел ужин, Цзян Цайвэй позвала всех к столу. Цзян Тинэнь не успел продолжить расспросы. Выйдя в коридор, он столкнулся с Дин Ханьбаем, который сразу же приметил книгу в его руках.

Затем он бросил взгляд на Цзи Шэньюя и про себя выругался: «Маленький южный дикарь».

Вечером за столом место Цзи Шэньюя оказалось по левую руку от Дин Ханьбая. Стоило ему потянуться за едой, как Дин Ханьбай толкал его локтем, а когда он поднимал чашку с супом, его так пихали, что капли разлетались в стороны.

— Чего ты хочешь? — процедил Цзи Шэньюй сквозь зубы. — Тебе доставляет радость переводить продукты?

Дин Ханьбай, даже сидя, был на полголовы выше его. Он притиснул его плечом:

— В этом доме так: есть способности — води себя нагло, ешь и пей что хочешь. Нет способностей — сиди тихо и терпи.

Цзи Шэньюй парировал:

— Не вижу у тебя особых способностей, только и делаешь, что дома отсиживаешься.

Дин Ханьбай положил себе в чашку последний фрикадельку:

— Оскорбить старшего и не быть выгнанным — это и есть способность. — Он подцепил палочками капустный лист, на котором лежала фрикаделька — полусырой, в масле, — и кинул прямо в чашку Цзи Шэньюю, громко заявив: — Жемчужинка, ешь побольше. Разжиреешь — старший брат над тобой смеяться не будет.

Цзи Шэньюй выдавил:

— Спасибо, старший брат.

Когда ужин подходил к концу, Дин Яньшоу, уставший за день, отложил палочки и внезапно сказал:

— Шэньюй, Фансюй всегда хотел, чтобы ты учился. Я того же мнения. Продолжай обучение в старшей школе, а после выпуска решим.

Цзи Шэньюй почувствовал, как на него свалилось счастье. Он расплылся в улыбке и закивал:

— Буду учиться! Спасибо, учитель!

Дин Ханьбай боковым зрением увидел эту ослепительную улыбку и чуть не ослеп. Он про себя решил, что успеваемость у этого Цзи Шэньюя наверняка посредственная — пустышка есть пустышка, во всем такой же.

Когда все разошлись, в гостиной осталась только семья Дин Ханьбая. Цзян Шулю грызла изюм, а Дин Яньшоу смотрел прогноз погоды.

— Пап, — Дин Ханьбай вдруг что-то вспомнил, — правда, что Цзи Шэньюй — внебрачный сын учителя Цзи?

Дин Яньшоу не стал скрывать:

— Да. Как только похороны прошли, жена Фансюя выгнала его на улицу.

Дин Ханьбай, движимый странным любопытством, ехидно улыбнулся:

— А наследство не поделили?

— Поделили. Только три сундука с вещами, — ответил Дин Яньшоу. — Фансюй уже давно не работал, все эти годы занимался антиквариатом. Когда заболел, Шэньюй ухаживал за ним, выносил за ним судна. Все, что было в доме, жена Фансюя прибрала к рукам, а как только он умер, она заблокировала дверь и заставила Шэньюя собирать вещи, боясь, что он прихватит лишнее. Шэньюй забрал только книги, а материалы для резьбы он копил все эти годы сам.

Дин Ханьбай добавил:

— Еще у него были платиновые серьги с нефритом.

Дин Яньшоу их не видел и сказал:

— Наверное, подделка. Были бы настоящие, она бы их не отдала.

— Невозможно, это натуральный нефрит! — Дин Ханьбай тут же вскочил. Даже если Цзи Шэньюй его обманывал, он-то не слепой! И к тому же, стал бы кто-то так дорожить подделкой? Он поспешил во двор и столкнулся нос к носу с Цзян Тинэнем.

— Старший брат, я как раз к тебе. — Цзян Тинэнь потряс кулаком. — Хочу в мастерскую, отполировать кое-что.

Дин Ханьбай повел его в мастерскую в южном флигеле, бросив взгляд на спальню Цзи Шэньюя — там горел свет, дверь была прикрыта, тишина.

— Что-то вырезал? — он вошел внутрь и велел Цзян Тинэню показать работу. — Дай взгляну.

Цзян Тинэнь разжал руку. Зная, что Дин Ханьбай с Цзи Шэньюем не ладят, он ответил уклончиво:

— Вырезал тетушку.

Дин Ханьбай взял фигурку:

— Это ты вырезал?

— Ну да, я... — Цзян Тинэнь забежал глазами, признаваться не хотелось. — Съел мороженое, почувствовал прилив сил, вот рука и сама пошла. Сам не ожидал.

Дин Ханьбай спросил:

— У тебя сейчас есть этот прилив сил?

Не дожидаясь ответа, он сжал агат и сел за полировочный станок, не терпящим возражений тоном заявив:

— Я сам отполирую, а то еще испортишь своей неумелостью.

Цзян Тинэнь был не согласен, но подумал: подарок-то все равно для тетушки, не для него, так что пусть сам возится. Однако он с сомнением спросил:

— Брат, это изделие действительно такое хорошее?

Дин Ханьбай, видя хорошую вещь, подобрел:

— Отличный агат, резьба живая, линии четкие и легкие, ни единого изъяна. Уровень выше, чем у Кэ Юйэра.

Цзян Тинэнь разозлился: выходит, Цзи Шэньюй скрывал настоящее мастерство, и в конечном итоге его собственный уровень — на последнем месте. Он был подавлен:

— Брат, я пойду. Как закончишь, отдай сразу тетушке.

Дин Ханьбай закрыл дверь и включил станок. Он провозился весь вечер, и только тогда результат стал по-настоящему законченным. Он любовался работой: в свете ламп агат приобрел глубину, которой не было раньше. Дело было не только в технике — красота заключалась в распределении линий.

Алмаз сам по себе — просто камень, лишь хорошая огранка делает его бриллиантом. С нефритом так же: важно, чтобы вещь была красивой, но уровень выше — когда при осмотре не находишь изъянов. А высший пилотаж — это когда работа максимально подчеркивает красоту самого материала, когда нельзя убрать ни штриха, ни сдвинуть линию на миллиметр.

Очевидно, у Цзян Тинэня таких способностей не было.

Было уже поздно, и Дин Ханьбай решил отдать фигурку Цзян Цайвэй завтра. Возвращаясь в спальню, он прошел мимо соседней комнаты и обнаружил, что прикрытая дверь открыта. Он нарочно громко кашлянул, сделал широкий шаг и вошел внутрь, застав Цзи Шэньюя за тем, как тот вытирал руки.

Волосы Цзи Шэньюя были влажными после душа. Он не ожидал, что Дин Ханьбай заявится без предупреждения, и застыл с поднятыми руками.

— Что-то случилось?

Дин Ханьбай принялся:

— Чем это ты мажешься?

Цзи Шэньюй тер пальцы друг о друга:

— Маслом для рук...

Дин Ханьбай подошел ближе, разглядел на кровати тюбики с кремом и скрабом, а затем схватил Цзи Шэньюя за руки. Скользкие, пахнущие кремом, теплые, с нежной кожей на подушечках пальцев — ни одного мозоля!

В их деле, где постоянно работаешь ножом, не иметь мозолей — это все равно что достать звезду с неба!

Дин Ханьбай недоверчиво спросил:

— Твою мать... ты вообще учился мастерству?!

Цзи Шэньюй вырвал руки, смутившись, но объяснять этому человеку ничего не хотелось. В тот момент, когда тот схватил его, он почувствовал на руках Дин Ханьбая толстый слой мозолей — следы упорного труда.

— Как только мозоль появляется — ты сразу скрабом ее трешь, каждый день мажешься? — грубо спросил Дин Ханьбай, поднял тюбик, понюхал и бросил обратно. — Смотри, дотрешься до дыр на пальцах!

Цзи Шэньюй сжал кулаки, молча. Кончики пальцев саднило. Как в их профессии не быть мозолям? Конечно, стирать их до мяса больно, иногда кожа слезала до живой крови.

— Я... я не могу допустить, чтобы они грубели, — пробормотал он. — Впрочем, неважно, все равно не поймешь.

Дин Ханьбай не стал развивать тему, его интересовало другое:

— Те нефритовые серьги — настоящие или нет?

Цзи Шэньюй замер, глядя на него с легким недоумением. Дин Ханьбай решил, что свет в комнате слишком хорош — он делал парня таким мягким, с блестящими глазами. Он сел на край кровати и включил наглеца:

— Дай еще раз посмотрю, иначе не уйду.

Цзи Шэньюй не сдвинулся с места:

— Подделка.

Дин Ханьбай в ярости ударил кулаком по кровати. Он, мастер, и не разглядел!

— Изначально была пара настоящих, но их забрала моя мачеха, — вдруг сказал Цзи Шэньюй. — Учитель хотел сделать мне новые, я упросил его использовать поддельный нефрит.

— Почему?

— Подделка ничего не стоит, мачеха ее не заберет. А мне не важно, настоящие они или нет. Раз учитель подарил — значит, для меня это сокровище.

— Раз сокровище, почему так легко отдал мне одну?

Цзи Шэньюй вспыхнул, вспомнив, как Дин Ханьбай его обманул:

— Я дал тебе ее только на время, потом выкуплю. — Он повернулся к Дин Ханьбаю: — Ты сразу понял, что это подделка?

Дин Ханьбай не нашел, что ответить, и сменил тему:

— Учитель Цзи — твой отец?

Цзи Шэньюй долго молчал:

— Я называл его отцом всего один раз. Все думал: успею еще сказать, а потом... он умер.

Он рыдал, когда звал его, а Цзи Фансюй ушел с улыбкой.

Сердце Дин Ханьбая болезненно сжалось. Он покосился на Цзи Шэньюя и увидел, как с кончика волос сорвалась капля воды и упала на щеку, словно слеза из глаз.

Он поднялся и направился к выходу:

— Ложись спать.

Цзи Шэньюй залез под одеяло, чувствуя тревогу в ночной тишине. Спустя мгновение окно слегка приоткрылось, и в комнату влетела золотая закладка, упав прямо на подушку. Он удивленно посмотрел на тень за окном, не понимая, что это значит.

— Книг много, закладка пусть будет у тебя, — холодно бросил Дин Ханьбай. — Руки вытер — теперь и волосы протри.

Силуэт исчез, и Цзи Шэньюй, расслабившись, уснул.

Цзи Шэньюй уже заканчивал читать «Войну и мир», и золотая закладка пришлась как нельзя кстати. Он понимал, что Дин Ханьбай его презирает, и знал, что в ту ночь тот лишь проявил мимолетную жалость. Он не придавал этому значения — ему было все равно.

Дин Ханьбай тоже не придавал. С детства избалованный, он после минутного сочувствия снова видел в Цзи Шэньюе лишь обузу. Жалко, конечно, но бездарность есть бездарность. Он мог на мгновение смягчиться, вспоминая его судьбу, но не более того.

Стояла жара, есть вместе было невозможно, поэтому семья Дин Хоукана обедала в своем дворе, а семья Дин Яньшоу — в переднем. Пока накрывали на стол, Дин Яньшоу достал бумаги:

— Шэньюй, я договорился, тебя зачислили в шестую школу.

Цзи Шэньюй едва не выронил поднос с супом. Поставив его, он тщательно вытер руки и взял бумаги:

— Спасибо, учитель. Когда мне идти на занятия?

— Скоро летние каникулы, походишь пока в любой класс, а после экзаменов посмотрим на твои успехи, и учителя определят тебя в постоянный. — Дин Яньшоу был доволен и налил себе вина. — Директор — мой старый знакомый. Когда Фансюй приезжал сюда, он подарил ему деревце «персики и сливы» из трехцветного фужуна, оно до сих пор стоит у него в кабинете.

Цзи Шэньюй дома был молчалив, но в душе всегда держал свои заботы. Теперь, когда груз упал с плеч, даже аппетит появился. Дин Ханьбай же ел молча, уткнувшись в тарелку — он уже несколько дней отдыхал, и от безделья у него не было настроения.

Цзян Шулю посмотрела на него:

— Не идешь на работу — иди в лавку, негоже здоровому парню без дела слоняться.

Дин Ханьбай перебирал миндаль:

— В Юй Сяоци все равно нет клиентов, дома бездельничать куда приятнее.

Он снова завел свою шарманку. Дин Яньшоу, который днями и ночами думал, как возродить дело, не мог слушать, как родной сын пренебрегает обязанностями:

— Раз уж ты бездельничаешь, будешь провожать и встречать Шэньюя из школы.

Дин Ханьбай отложил палочки, встретился взглядом с родителями и понял, что спорить бесполезно. Да и правда, Цзи Шэньюй здесь никого не знает, кроме лавки, никуда не выходил.

Он вспомнил, как тот мазался маслом, и представил себе барышню из благородного дома, которая не выходит за ворота.

Он усмехнулся:

— Жемчужинка, ну ладно, старший брат тебя отвезет.

Цзи Шэньюй от этого прозвища всегда покрывался мурашками. Сжав фарфоровую ложку, он ответил:

— Спасибо, старший брат.

Это «старший брат» напомнило Дин Яньшоу о другом. Он указал на Дин Ханьбая и сказал Цзи Шэньюю:

— Шэньюй, учеба учебой, а мастерство нельзя забрасывать. Это наше основное дело, все остальное — второстепенно. Раз ты признал меня учителем, я научу тебя всему, что умею сам. А когда меня нет рядом, пусть Ханьбай учит тебя, это одно и то же.

Цзи Шэньюй уточнил:

— Старший брат такой же мастер, как вы?

Дин Яньшоу рассмеялся — это была единственная вещь, которой он гордился:

— Твой старший брат бывает невыносим в общении, но мастерства у него не отнять. — Он посмотрел на сына и не удержался от упрека: — Шэньюй здесь уже столько времени, вы хоть раз пробовали поработать вместе? Что вы делали, живя в одном дворе?

Выражение лица Дин Ханьбая было таким, будто он услышал что-то непристойное. Поработать вместе? Он не решился сказать отцу правду, боясь, что Цзи Шэньюй от стыда провалится сквозь землю. Он поднял глаза и увидел, что Цзи Шэньюй смотрит на него прямо и открыто.

Он подумал, что этот маленький южный дикарь лицом чист, как белый нефрит, но упрямства в нем хоть отбавляй.

Цзи Шэньюй с тех пор, как приехал, ни разу не видел, как Дин Ханьбай работает с камнем. Знал только, что тот привередлив в еде, резок в словах и бездельничает, настоящий повеса, вовсе не похожий на мастера.

Главное — он не верил, что Дин Ханьбай искуснее его самого.

Один был горделив напоказ, другой — скрытно. Никто не хотел уступать, о признании авторитета и речи не шло. Вечером, расходясь у входа во двор, Цзи Шэньюй напомнил:

— Старший брат, завтра утром в школу. — Он боялся, что тот снова будет спать до обеда.

— Иди-иди, — не оборачиваясь, бросил Дин Ханьбай. — Посмотрим, сколько баллов наберешь

на экзамене.

Цзи Шэньюй не зря волновался. На следующее утро он уже был готов, а дверь спальни Дин Ханьбая все еще была закрыта, кондиционер всю ночь работал, натекла лужа воды. Он решил, что у него есть время, и сел в коридоре с учебниками.

Прошло полчаса. Если не выйти сейчас, точно опоздает. Он постучал:

— Старший брат, ты проснулся?

Тишина. Цзи Шэньюй постучал сильнее:

— Старший брат, мы опоздаем.

Дин Ханьбай видел сладкий сон, в котором Чжан Инь вернулся из Фуцзяни с целым ящиком бракованных изделий. Если бы не стук, он бы еще долго не проснулся. Сонный, раздраженный, в шлепках и с голым торсом, он резко распахнул дверь, напугав Цзи Шэньюя.

— Чего разорался, как на похороны? — Дин Ханьбай поплелся умыться, не спеша. Цзи Шэньюй, волнуясь, вошел в спальню, чтобы приготовить ему одежду. Коснувшись шкафа, он по привычке профессионала провел рукой, принялся, постучал пальцами, оценивая твердость, блеск и запах дерева.

Дин Ханьбай, умывшись, вошел и прислонился к дверному косяку, полусонный:

— Влюбился в мой шкаф?

Цзи Шэньюй, не оборачиваясь, ответил:

— Древесина отличная, в Янчжоу такую днем с огнем не сыщешь.

— Здесь тоже редкость. — Дин Ханьбай решил, что парень знает толк в вещах. Он подошел, открыл дверцу, выбрал одежду и переоделся прямо при Цзи Шэньюе. Затягивая ремень, он скомандовал: — Застегни пуговицы.

Цзи Шэньюй тут же протянул руки и быстро застегнул рубашку. Находясь так близко, он смотрел прямо на кадык Дин Ханьбая и, сглотнув, сказал:

— Старший брат, уроки заканчиваются в полседьмого.

Дин Ханьбай ответил:

— Я сам учился, не нужно мне напоминать.

Цзи Шэньюй убрал руки, немного помедлив:

— Тогда... приедешь пораньше?

Здесь он знал только семью Дин. Даже если Дин Ханьбай вечно к нему цеплялся, он был самым близким человеком. Но для самого Дин Ханьбая он был никем — не родственник, не друг, не стоит тратить время.

Так же, как и с утренним подъемом, он боялся, что Дин Ханьбай просто забудет заехать.

Выехали поздно, и Дин Ханьбай так гнал машину, что Цзи Шэньюя чуть не вывернуло наизнанку. Но они все равно опоздали. Школьные ворота были закрыты. Цзи Шэньюй вышел из машины, пытаясь объяснить что-то сторожу, но у него не было ни документов, ни школьной формы, и его не пустили.

<http://bllate.org/book/19144/1880213>